

ТИМ БАРТОН

ЧЕЛОВЕК С ПЛАНЕТЫ ДИКИХ ОБЕЗЬЯН

Без
каждого - 2001
- 31 авг. - с. 8

Голливудский возмутитель спокойствия, Бартон уверенно держит марку самого непредсказуемого режиссера. Лишь ему удастся снимать откровенно коммерческое кино с таким же откровенно двойным дном («Марс атакует», «Сонная лощина»). Все вроде бы просто, но в то же время сложно: борьба добра и зла идет не на экране, а в голове зрителя. И конец ее всегда непонятен. Его картины населяют монстры, мертвецы и звероподобные существа, с помощью которых Бартон, как искусный хирург, добирается до самого человеческого нутра. Его последняя лента «Планета обезьян» — мрачная фантазия по мотивам известного фильма 60-х — вот уже вторую неделю держится на первой строке во всех западных топ-листах и опросах. Недели через две фильм появится в Москве. Предисловием к нему может послужить интервью, данное режиссером английскому журналу «Эмпайер» (www.empire.co.uk).

— Как вы решились повторить «Планету обезьян»?

— Самое сложное во всей этой затее было то, что «Планета обезьян» — классика своего времени. Невозможно повторить игру Чарлтона Хестона, как немислимо вообще повторить 60-е. Можно, конечно, попробовать оттарбанивать те же истины, но это будет не то по самой своей сути. Сейчас глобализация зашла безумно далеко: вроде бы доступ к информации вносит во все ясность и прозрачность, но тут же возникает обратный эффект — мир дробится и сжимается до точки, в которой вы перестаете ощущать реальную опасность. Это самопоедание куда как страшнее атомной бомбы. Не одичание, которого боялись в 60-е годы, а эдакое медленное, внутреннее самоуничтожение.

— «Планета обезьян» в конце концов переросла в сериал. Вы не намерены сделать свое продолжение?

— Я думал об этом. Но я лучше выброшусь в окно! Вообще я вижу фильм не как некую последовательность с началом и концом. Кино для меня — всеобщая мифология, а не цепь событий.

— Оригинальная «Планета обезьян» когда-то была названа последним великим фильмом в категории «В», то есть массового кино на грани кича. Значил ли для вас что-то этот факт?

— Для меня это всегда было кино категории «А»! В детстве я не выбирал фильмы в зависимости от того, сколько премий они получили. Для десяти-

летнего мальчишки «Планета обезьян» была вершиной кинематографа, поэтому я и отказался делать точный римейк.

— Теперь уже не секрет, что в вашей картине потрясающая, непредсказуемая концовка. Ее раскрыл Мэтт Друдж на своем сайте...

— Чертов дебил! Когда я узнал об этом, я готов был снять с него шляпу и засунуть ему в рот.

— Когда картина еще снималась, все были в шоке от сцен соития людей с животными. Вам самому не было жутко?

— Когда меня об этом спрашивают, я отсылаю всех к интернетовским сайтам по скотоложству. Правда, последний раз, когда я попытался отыскать голливудские фильмы на эту тему, ответ был «нет». Естественно, я не желаю угодить за решетку, и потому был максимально аккуратен. А чего, собственно, вы ждете от такого фильма? Как-то я взялся описать одному журналисту сцену, о которой вы говорите. «Да, — рассказываю я ему, — там Марк ложится с Хелен на стол, ласкает ее мягкие волосы на заднице...» Так журналист настолько возбудился, что в конце концов я дал ему адреса сайтов. Пусть наслаждается!

— Все знают, что вы боитесь шимпанзе. Но теперь-то, сняв фильм, вы избавились от этой фобии?

— Шимпанзе — самые крутые трахальщики в мире. Среди них полно маньяков и серийных убийц. Они и похо-

жи, и не похожи на нас. Одна шимпанзе в первый день съемок угрожала мне, плевалась и наложила кучу дерьма. Они — психопаты. Впрочем, у них есть одно замечательное свойство — они страшны собраны и могут не отрываясь смотреть на вас часами.

— Известно, что и на сцене, и на экране человек всегда проигрывает животным. Как вы решали этот вопрос?

— В этом и суть! Человек всегда проигрывает, превращается в пещерное создание. Человеческий характер незавершен, неопределен.

— Может, все-таки попытаетесь объяснить концовку картины?

— Ни за что! Я и взялся за этот материал потому, что он обладает свойством, которое я называю fuck-you-материал. Не в негативном смысле. Уже в самой книге заложены абсолютно неразрешимые дилеммы: обезьяна против человека, Дарвин против божественного творения. На эти вопросы я ответить не могу. Но именно они и превращают банальную историю в волшебную сказку.

— Короче говоря, вы считаете, что каждый зритель должен дать свой ответ?

— Конечно. В конце концов, что плохого, если человек лишний раз задумается.

— Не собираетесь ли вы после съемок многомиллионного блокбастера заняться чем-нибудь камерным и экспериментальным?

— Может, сделаю эксцентричный шоу или что-нибудь в этом роде. ■

